

ДЛЯ АРХЕОЛОГІИ РУССКАГО БЫТА.

НАУЗЫ.

ПРИМѢРЪ ВЛІЯНІЯ ЯЗЫКА НА ОБРАЗОВАНІЕ НАРОДНЫХЪ ВѢРОВАНІЙ ОБРЯДОВЪ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. АѲАНАСЬЕВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1865.

2007053955

Современныя историко-филологическія изслѣдованія неоспоримо доказали то важное вліяніе, какое постоянно оказывало слово человѣческое, въ древнѣйшую эпоху существованія народовъ, на образованіе ихъ вѣрованій, обычаевъ и обрядовъ. Изъ многочисленной массы примѣровъ, предлагаемыхъ наукою, позволяю себѣ остановить вниманіе читателя на одномъ, именно на понятіи *вязать*, которое играетъ весьма значительную роль въ заговорахъ, чародѣйствѣ, симпатическомъ лѣченьи, юридическихъ и бытовыхъ обычаяхъ.

Первоначальный способъ всякаго пріобрѣтенія и обладанія предметомъ, владычества надъ нимъ, состоялъ въ вещественномъ схватываніи его *рукою*, откуда возникъ обще-распространенный обычай при куплѣ-продажѣ, заступившей мѣсто простаго, насильнаго захвата, и потомъ при всякомъ договорѣ (гдѣ одинъ какъ-бы продается другому, уступаетъ ему свою работу, услугу или право) *протягивать руку* въ знакъ утвержденія этого юридическаго акта. У насъ существуетъ выраженіе: *ударить по рукамъ* и дѣйствительный обрядъ *рукобитья* при заключеніи купли-продажи и вообще всякаго договорнаго условія, наприм. при заключеніи свадебнаго соглашенія вмѣсто выраженія: „мы дочь просватали“—говорятъ: „мы по рукамъ ударили“, „мы дочку пробили.“ Наложеніе руки впрочемъ невсегда

могло быть достаточнымъ для фактическаго овладѣнія, особенно если оно касалось дикаго животнаго или нелегко-подчиняющагося чужой власти человѣка — раба; надо было поймать это животное или раба, связать по рукамъ и по ногамъ, и тогда только можно было разсчитывать на упроченное и спокойное владѣніе. Издревле веревка— *ужище* (санскр. *юдж*, лат. jungere, conjungere, слав. кѫзати, кѫзъ, ѫзъ, ѫза — vinculum, *узелъ*, *узы*, *на-уза*, *узда*, *г-ужъ* (1) и *путы* (*опутывать*) были видимымъ знакомъ того фактическаго обладанія, которому человѣкъ подчинялъ пойманное имъ дикое животное: кто накидывалъ на коня узду, тотъ и дѣлался его господиномъ; въ чьихъ рукахъ была привязь, которою опутанъ быкъ или корова, тотъ и былъ ихъ хозяиномъ. Впослѣдствіи узда и оброть стали символически выражать самое право на обладаніе извѣстнымъ животнымъ. „Кто коня купить, говоритъ малороссійская пословица, бере и уздечку“(2). Юридическій обычай, до сихъ поръ существующій на Руси и въ другихъ славянскихъ земляхъ (3), требуетъ, чтобы продавецъ вмѣстѣ съ животнымъ отдавалъ покупщику и ту оброть, веревку или узду, на которой оно приведено на базаръ, и эта передача веревки или узды почитается необходимымъ обрядомъ при всякомъ совершающемся актѣ продажи и купли домашней скотины; потому что въ этомъ дѣйствіи наглядно, матеріальнымъ образомъ выражается переходъ власти надъ нею изъ однѣхъ рукъ въ другія. Наоборотъ, чтобы купля была недѣйствительна, надо, чтобы при совершеніи ея этотъ символическій аттрибутъ права собственности (узда, оброть) остался въ рукахъ продавца, безъ передачи. Въ любопытной сказкѣ, извѣстной почти у всѣхъ славянскихъ племенъ и нѣмцевъ (4), добрый молодецъ, наученный великой мудрости превращаться въ разные виды, оборачивается конемъ, наказываетъ своему отцу вести себя на продажу, и при этомъ говоритъ: „коня продавай, а уздечки ни за какія деньги не уступай!“ Точно также, превращаясь въ собаку и въ сокола, велитъ продавать первую безъ *ошейника*, а послѣдняго безъ *путцевъ*, и только въ такомъ случаѣ, по свидѣтельству сказки, проданный отцемъ сынъ можетъ воротиться къ нему безъ особенныхъ затрудненій. Когда старикъ позарился на деньги и продалъ сына, оборотившагося ретивымъ конемъ, вмѣстѣ съ уздечкою, то послѣдній

---

(1) Матер. для сравнительн. словаря, т. I, стр. 95.

(2) Старосвѣт. бандуриста, стр. 218.

(3) Volkslieder der Wenden — Гаупта и Смолера, т. II, стр. 261.

(4) Н. Р. С., в V, № 22; в. VI, № 45; серб. сказки, № 6; Slov. pohadky, стр. 307—315; сбор Кульды, ч. 1, № 65 и 82; валахс. сказки, Шотта, № 18; Kinder- und Hausmärch, т. I, № 68; т III, стр. 317—9; сборн. новогреч. сказокъ Гана, т. II, № 68.

до тѣхъ поръ не могъ вырваться на волю, пока не сняли съ него узду. Подобно тому, какъ дикое животное, опутанное веревкою, становилось собственностью человѣка, такъ и побѣжденный, связанный непріятель дѣлался рабомъ. Кто покорился въ неравной борьбѣ своему врагу, отдался ему въ полонъ, былъ схваченъ его руками (manucaptus), опутанъ его веревками или цѣпями, тотъ въ глазахъ побѣдителя былъ его собственностію. Нашъ древній языкъ даетъ плѣнникамъ названія: *вязень* и *узникъ*. Понятія плѣна и покорности побѣжденнаго въ древности сливаются въ одно съ идеею рабства; въ нѣмецкомъ языкѣ *bändigen*, *überwinden* (собственно—*обвить*) указываютъ на насильное связываніе побѣжденнаго въ битвѣ; *ring* — кольцо, звѣно цѣпи, эмблема подчиненія жены мужу и раба хозяину, и *ringen*—бороться; латин. *vinco*—побѣждаю, *victor* — побѣдитель сродны съ *vincio*, *vinctum* и *vinculum* — связываніе, узы и цѣпи. Самый бракъ въ глубочайшей древности, въ эпоху господства грубой физической силы, былъ своевольнымъ захватомъ невѣсты. Несторъ о нѣкоторыхъ славянскихъ племенахъ говоритъ, что у нихъ брака не было, а „*умыкаху* жены собѣ". Слово *умычка* (похищеніе) совершенно совпадаетъ съ значеніемъ узъ, связыванія. Корень *мък* (*мьк*), *мкну*—связываю, *замыкать* — обвязывать, оцѣплять, окружать, откуда *замдкъ*—уза и *зáмокъ* — запертое, огражденное мѣсто, *крѣпость*. Въ примѣненіи къ гражданскимъ договорамъ слово „крѣпость" получило значеніе юридическаго акта, дающаго на что-нибудь право собственности; выраженіе: „*заключить* договоръ" указываетъ на *ключъ*, которымъ запирается установленная между договорившимися сторонами связь. *Умыкать* слѣдовательно: связывать, присвоивать себѣ и увозить — *умчать* на конѣ; напротивъ *раз-мыкать*—разнести,разорвать,уничтожить связи;*размычка*—древнѣйшій способъ наказанія: разорваніе преступника лошадьми; *размыкать горе* т. е. разорвать съ нимъ союзъ, ибо старинный человѣкъ представлялъ себѣ горе живымъ существомъ и выражался о немъ эпически: „ко мнѣ горе *привязалося*".

Такъ свидѣтельства языка переносятъ насъ въ глубь понятій и нравовъ того до-историческаго, почти-животненнаго состоянія человѣка, о которомъ не помнятъ самые древніе письменные памятники. Когда съ развитіемъ гражданскихъ и общественныхъ отношеній грубая сила мало по малу была приведена въ условныя границы, въ замѣнъ насильнаго завладѣнія появились другіе мирные способы пріобрѣтенія и вступленіе въ договоры; но въ языкѣ, въ юридическихъ формулахъ и обрядахъ, которыми были обставлены эти новые способы и договоры, необходимо сохранились древнѣйшія

воззрѣнія. Согласно съ общимъ ходомъ историческаго развитія языка, слова, создавшіяся нѣкогда для выраженія понятій чисто-матеріальныхъ, мало по малу одухотворяются въ своемъ значеніи, т. е. имъ придается другой, болѣе духовный смыслъ, но самое слово надолго остается все тоже, звучитъ все также, и хотя первоначальное, коренное его значеніе забывается, но путемъ ученаго анализа оно можетъ быть раскрыто и объяснено. Въ договорахъ всегда есть одна сторона, принимающая на себя *обязательство* (*об-вязательство* отъ *вязать*, *obligatio*, *verbindlichkeit*), т. е. сторона какъ-бы связанная, подчиненная, рабская, и древле, по установленіямъ Русской Правды, должникъ и наемный работникъ (наймитъ) поступали къ своему кредитору и наёмщику во временное рабство и назывались *закупами*. Это названіе уже показываетъ, что свободный человѣкъ *запродалъ* себя другому во временное холопство — въ кабалу, взявши впередъ съ хозяина, въ видѣ займа, извѣстную сумму денегъ или опредѣленную мѣру хлѣбныхъ припасовъ, и заработывая свой долгъ вмѣстѣ съ процентами (ростомъ) въ теченіе назначеннаго срока. Временное холопство могло даже переходить въ вѣчное, если закупъ убѣжитъ самовольно, или будетъ уличенъ въ покражѣ; въ послѣднемъ случаѣ господинъ отвѣчалъ за него передъ другими свободными лицами, и для ихъ вознагражденія могъ продать закупа([1]). Самыя высоко-нравственныя, по преимуществу духовныя—семейныя и общественныя отношенія (между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, церковными властями и паствою, царемъ и народомъ) доселѣ выражаемъ мы словами, въ которыхъ позднѣе-развившіяся понятія любви, долга и добровольнаго подчиненія не могутъ затемнить древнѣйшихъ матеріальныхъ представленій о торжествующей силѣ и налагаемыхъ путахъ: все это *узы* родства и дружбы, *связи*, *привязанности*, *союзы*; нѣмец. *verwand* вмѣсто *verbant* — связанный, въ нашихъ древнихъ памятникахъ *ужикъ* — родичъ и чешское *пріузникъ* — пріятель; выраженіе *долгъ* любви, дружбы, гражданской чести и проч. указываетъ на зависимость, подобную той, въ какой стоялъ въ старину *должникъ* (закупъ).

Древнѣйшіе символы брака, принятые и въ христіанской обрядъ,—*вѣнецъ* и *кольцо*. Областное *вѣнъ* или *вьюнъ*—вѣнокъ, вѣнецъ отъ глагола *вить*, *вью* — свивать, сплетать, скручивать; *вѣникъ*, *вица* и *вичка*—прутъ, розга, вѣтвь, изъ которыхъ плетутся вѣнки и связываются вѣники; въ сербскомъ спискѣ библіи слова *сноповіа* и

([1]) Исторія гражданск законовъ, Неволина, т. III, стр. 191—3.

вѣне употреблены какъ синонимическія [1]; въ словарѣ Памвы Берынды *увязло* и *увязенье* — вѣнецъ, *увясти вѣнцы* — короновать; сравни нѣмец. *binden* и *winden* (древнегерм. *vidan*). Вѣнокъ поэтому сдѣлался метафорою супружескаго союза: „кому мой вѣнъ достанешься“? спрашиваетъ дѣвица въ народной пѣснѣ, т. е. за кого-то я выйду замужъ? [2] По вѣнку, брошенному въ воду, дѣвицы гадаютъ о суженомъ, и молодая, недавно вышедшая замужъ, называется у поселянъ *вьюницею* [3], слово въ слово *окрученною*, *повязанною*. Слово *вѣнецъ*, кромѣ общепринятаго значенія, имѣетъ въ областныхъ нарѣчіяхъ еще слѣдующія: женской головной уборъ (*повязка*), день свадьбы и обрядъ вѣнчанія. Такъ какъ въ древности невсегда невѣстъ похищали, но часто покупали ихъ за деньги, то *вѣно* получило значеніе платы за жену; старин. *вѣнити*—покупать и продавать. Въ простомъ народѣ доселѣ употребительно слово *опутать*—въ смыслѣ сватать, и сватъ или сваха, отправляясь на переговоры съ родителями невѣсты, дѣйствительно является въ ихъ домъ съ путомъ — веревкою [4]. Идучи на сватовство, въ подольской губерніи связываютъ ножки стола, чтобы скорѣе дѣло *связалось*; въ другихъ же мѣстахъ сваха беретъ заранѣе-приготовленный путъ (веревка для спутанія лошадямъ ногъ), опоясывается имъ и произноситъ заклятіе: „какъ конь-скороходъ въ этой веревкѣ заплетается, такъ заплетись сердце такой-то!“ (имя невѣсты) [5]. Любопытно, что подобнымъ-же образомъ на первый день Рождества опутываютъ ножки стола, ударяя по немъ плетью, чтобы лошади не сбѣгали со двора. [6] Подблюдная святочная пѣсня, предвѣщающая супружество, выражаетъ свое предсказаніе въ этой эпической формѣ:

Ты, мати, мати-порода моя!
Ты взгляни, мати, въ оконичко,
Ты выкинь, мати, *опутинку*,
Чтобы было чѣмъ *опутать* ясна сокола,
Что̀ ясна сокола—моего жениха. [7]

Въ старину, во время сватовства, клали на полу передъ невѣстою *поясъ въ видѣ круга*, или подставляли ей *юбку*, и она (въ случаѣ согласія на бракъ) прыгала въ средину пояса или въ юбку [8];

(1) От. Зап. 1851, № 8, стр. 49.
(2) Библ. для Чтен. 1848, № 10, стр. 96.
(3) Опытъ обл. великор. словаря, стр. 26 и 33.
(4) Ibidem, стр. 143.
(5) Свѣточь 1861 г., № 2, стр. 9; Соврем. 1857, № 1, смѣсь, стр. 54.
(6) Слав. нар. разск., стр. 157; Могил. губ. вѣд. 1852, № 4.
(7) У Сахарова въ Сказан. рус. нар., т. 1, стр. 14, эта пѣсня искажена.
(8) Послов рус. нар., Даля, стр. 348; Калужск. губ вѣдом. 1852, № 42; Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 114.

въ тамбовской губерн. соблюдается это понынѣ: братъ невѣстинъ держитъ въ рукахъ *панёву*, нарядъ, носимый только замужними женщинами, и упрашиваетъ: „вскацы, сестрицунька, вскацы, бѣлая лебедушка!“ А невѣста бѣгаетъ по лавкамъ, говоря: „хацу — вскацу, а хацу—не вскацу!“ И не вскакиваетъ, если женихъ ей не пò сердцу; а если женихъ нравится, то, поломавшись, прыгаетъ въ панёву, которую тотчасъ стягиваютъ на ней и завязываютъ; вслѣдъ за тѣмъ бываетъ „запой“, или согласіе, даваемое жениху, утверждается заздравными чарками. Отсюда народная загадка, означающая *поясъ*: „въ день *колесомъ*, въ нôчъ *якъ ужъ*; хто угадае, буде мій мужъ“ (у поляковъ: „w dzień kołem, w nocy jak wąż; kto zgadzie, będzie moy mąż“) ([1]). Наканунѣ 30-го ноября (день, посвящаемый гаданью) дѣвушка, проснувшись поутру, *подвязывается поясомъ*, цѣлый день постится и молится; а вечеромъ ложась спать, кладетъ *поясъ* подъ подушку, и вѣритъ, что во снѣ долженъ ей привидѣться суженой ([2]). Въ Сербіи когда молодая отъ вѣнца войдетъ въ избу, на нее бросается изъ-за угла свекровь и повязываетъ поясомъ. ([3]) Вступая въ бракъ, невѣста мѣняетъ свой дѣвичій нарядъ на женскій, облекается въ паневу и на голову надѣваетъ кичку; косы ея заплетаются по бабьи. Это переодѣванье называется *окручиваньемъ*, отъ слова *крутить* — вить, вязать; вологодс. *сукрутина*—круто-свитая нитка; *окрутить*— выдать замужъ, сыграть свадьбу ([4]). Расчесывая волосы невѣсты и заплетая на двѣ косы, что̀ во многихъ деревняхъ совершается въ притворѣ самаго храма, стараются *завязать ихъ какъ можно крѣпче—узлами*, чтобы союзъ былъ крѣпкой, неразрывной ([5]). Коса въ свадебныхъ пѣсняхъ— символъ самой невѣсты; женихъ покупаетъ ее по требованію стариннаго обряда. Во время святочныхъ гаданій дѣвица кладетъ подъ подушку гребенку, приговаривая: „суженый-ряженый! причеши мнѣ голову“ — и суженый является во снѣ и̓ чешетъ, т. е. *окручиваетъ* ей голову ([6]).

Какъ вѣнокъ или вѣнецъ служитъ символическимъ знакомъ той связи, которая устанавливается между женихо̀мъ и невѣстою; такъ и кольца, обмѣниваемыя при вѣнчаніи, суть звѣнья съединяющей ихъ цѣпи. Кольцо въ народныхъ гаданьяхъ — эмблема брака ([7])

([1]) Малор. и галиц. загадки, стр. 20, 41.
([2]) Херсон. губ. вѣд. 1846, № 4.
([3]) Письмо Буслаева во II т. Исторіи Соловьева, стр. 41.
([4]) Опытъ обл. слов., стр. 140.
([5]) Опис. олонецк. губ., Дашкова, стр. 207.
([6]) Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 69.
([7]) Ibidem, т. I, стр. 14—15.

и любви: „любовь — кольцо, а у кольца нѣтъ конца", говоритъ пословица, указывая на христіанское представленіе о неразрывности брачнаго союза. Потеря обручальнаго кольца до вѣнчанія принимается за предвѣстіе, что свадьба не состоится, разойдется; а послѣ вѣнца—что кто-нибудь изъ сочетавшихся вскорѣ умретъ; въ обоихъ случаяхъ слѣдовательно потеря кольца знаменуетъ расторженіе супружеской цѣпи. Та-же примѣта относится и къ вѣнцу, если онъ спадетъ во время вѣнчальнаго обряда съ головы жениха или невѣсты; у кого спадетъ вѣнецъ, тому скоро вдовствовать (¹). Обмѣнъ колецъ называется *обрученіемъ*—отъ слова *рука*; ибо уже простое соединеніе рукъ помолвленныхъ служило знакомъ ихъ сочетанія (dextrarum junctio), и теперь о сватающемъ женихѣ выражаются, что онъ *проситъ руки*; *заручить*—просватать, *обручъ*—запястье на рукѣ, металическое кольцо (объ-руцѣ) и связующій *кругъ* на бочкахъ и кадкахъ, польск. *obrączka* — перстень; сравни *коло*, *кольцо* и *колесо*. Надѣваемыя на пальцы жениха и невѣсты кольца вполнѣ соотвѣтствуютъ повязкѣ рукъ молодой четы полотенцами — *ручниками*. Въ Малороссіи еще теперь, во время чтенія апостола, при обрядѣ вѣнчанія, священникъ, слѣдуя старинному обычаю, связываетъ руки жениха и невѣсты полотенцемъ. „Судьба придетъ — и *руки свяжетъ*" (т. е. оженитъ), выражается пословица о брачномъ союзѣ, въ которомъ народъ видитъ „судъ Божій": „смерть да жена Богомъ суждена" (²). У нашихъ предковъ, по свидѣтельству Барберини (XVI в.), былъ такой обычай: въ случаѣ развода мужъ и жена шли къ проточной водѣ, становились на противоположныхъ сторонахъ, и держась за концы одного полотенца, тянули и *разрывали его пополамъ*. По указанію другаго иноземца (Гванини) мужъ и жена выходили за деревню, становились на перекрестной дорогѣ и держали полотенце за концы, а свидѣтели разрѣзывали его пополамъ. (³) У черногорцевъ въ этомъ случаѣ жена подносила мужу *поясъ*, и если онъ *перерѣзывалъ* его, то бракъ расторгался (⁴). Черемисы до сихъ поръ совершаютъ обрядъ развода такимъ образомъ: связываютъ несогласныхъ супруговъ сзади опояскою, которую потомъ разрѣзываютъ, а разведенные бѣгутъ въ разныя стороны. (⁵) На Руси, вслѣдъ за сговоромъ, родители невѣсты въ увѣреніе того, что не отопрутся отъ даннаго слова, посылаютъ жениху ручникъ или платокъ; роднѣ его посылаются

(¹) Иллюстрац., годъ 2-й, стат. Даля, стр. 262.

(²) Послов. Даля, стр. 380.

(³) Терещ. Бытъ рус. нар., т. II, стр. 15.

(⁴) Ж. М. Н. Пр. 1846, октябрь, стр 94.

(⁵) Этнограф. сборн., в. VI, смѣсь, стр 26.

такіе-же подарки, и это называется *платки давать* или *побрать хустки.* Малороссійское: „вже-й хустки побрали" значитъ: уже сговорили, просватали; „дали платъ" — значитъ: дѣло рѣшено, свадьба слажена. Если бы послѣ того случилось какой-нибудь сторонѣ отказаться, то она обязана заплатить за всѣ сдѣланныя издержки([1]). Сюда же должно отнести русскій обычай повязывать свадебныхъ поѣзжанъ черезъ плечо полотенцами, красными платками и кушаками. Если невѣста уронитъ подъ вѣнцомъ платокъ, то, по народной примѣтѣ, ей придется вдовствовать ([2]). Самыя названія *супругъ*, *супруга* указываютъ на тоже представленіе — отъ *прясть (пряду*, *пряжа* — плести, крутить нитку изъ кудели), неупотребит. форма *прячь* (за-прячь, запрягать) — накладывать на животное ярмо, узду; *упряжь, пряжка* — чѣмъ застегивается или связывается кушакъ и одежда, — подобно тому какъ *умыкать* одного корня съ словами: *мычки*, *мыканье* льну и вообще пряжи; сравни нѣмецк. *spannen* и *spinnen.* Въ Малороссіи слово *супруга* доселѣ употребительно въ значеніи упряжной пары: „воливъ супруга добра"; съ тѣмъ-же значеніемъ встрѣчается оно и въ старо-славянскомъ: „супругъ воловъ купихъ пять"([3]). Отъ вышеуказаннаго санскрит. корня *юдж*, соотвѣтствующаго нашимъ *узамъ*, образовались нѣмецк. *joch*, латинск. *jugum*, *jumentum* и наше *иго*; такимъ образомъ въ словѣ „супружество" лежитъ представленіе того нравственнаго ига, ярма, которое налагаютъ на себя вступающіе въ бракъ. Въ обрядахъ съ путомъ и въ значеніи, придаваемомъ слову „опутать", мы уже видѣли сближеніе сосватанной дѣвушки съ пойманнымъ и обротаннымъ конемъ; согласно съ этимъ въ воронежской губерн.: а) *свозжаться* значитъ: свести парню дружбу съ дѣвкою, тоже, что *имѣть связь*, *связаться* съ кѣмъ, и b) *запрягать* — жениться, вѣнчаться. Отсюда объясняется народная примѣта: когда лошадь распряжется въ дорогѣ — знакъ, что жена невѣрна, сбросила съ себя супружескія узы ([4]), и извѣстный въ Малороссіи обычай надѣвать на мать и отца новобрачной или на сваху *хомутъ*, если невѣста окажется недѣвственною: этимъ символическимъ знакомъ выражается, что она уже до брака была въ любовной связи-сопряженіи съ другими.

Вѣнцы, цѣпи и кольца мало по малу сдѣлались символами всѣхъ юридическихъ и нравственныхъ связей и стали равно аттрибутами какъ той стороны, которая получаетъ власть, право и обя-

([1]) Потебни: О нѣкот символахъ въ слав. нар. поэзіи, стр. 126; Архивъ историческ. и практ. свѣденій 1860—1 г., № 2, стр 79, статья о Колязинѣ.

([2]) Боричевскаго: Слав. нар. разсказы. стр. 151.

([3]) Старосв. бандуриста, стр. 538.

([4]) О нѣкот. символахъ въ народн. поэзіи, стр. 123.

зываетъ другихъ, такъ и той, которая подчиняется и несетъ обязанности. Приготовляемые изъ благородныхъ металловъ, они явились знаками могущества, власти, свободы, и наоборотъ означаютъ покорность и рабство, если скованы изъ желѣза или замѣнены простой веревкой. Золотое кольцо было эмблемою свободнаго человѣка у древнихъ германцевъ; золотыя цѣпи и ожерелья, носимыя на шеѣ, указывали на благородство, достоинство, отличіе, власть (цѣпи рыцарскихъ орденовъ, феодальная инвеститура, царская корона — знаменіе союза государя съ народомъ); а желѣзное кольцо на пальцѣ и желѣзный ошейникъ или веревка на шеѣ—несомнѣнные знаки неволи и рабства. Въ нашемъ языкѣ любопытный примѣръ перехода понятія о связующей веревкѣ къ идеѣ административнаго и государственнаго союза представляетъ старинное слово *вервь* (врьвь), извѣстное во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ веревки, тесьмы; слово это послужило для опредѣленія семейнаго круга, общины и народнаго сборища: *врвник* — у сербовъ родственникъ, у хорутанъ сватъ, *врвница*—сваха, подобно тому, какъ у насъ въ старину родичи назывались *ужиками* и *сюзниками* (отъ *ужище* и *узда)*; въ Русской Правдѣ *вервь*—община, извѣстное пространство земли; сербск. *врва* — turbo, multitudo, consorsus, frequentia; скандин. *warph*—вѣче, фриз. *warf* — мѣсто суда ([1]); мы до сихъ поръ говоримъ *бразды правленія*, а слово *бразды* означаетъ собственно конскія удила ([2]).

Метафорическія выраженія *связывать*, *дѣлать узлы*, *замыкать*, *опутывать* могутъ служить для указанія различныхъ оттѣнковъ мысли, и смотря по примѣненію — получаютъ въ народныхъ преданіяхъ и обрядахъ разнообразное значеніе. Въ заговорахъ на непріятельское оружіе выраженія эти означаютъ то-же, что̀ *запереть*, *забить* вражескія ружья и тулы, чтобъ они не могли вредить ратнику: „*завяжу* я рабъ божій по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, *заградите* стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, *замкните* всѣ пищали, *опутайте* всѣ луки, *повяжите* всѣ ратныя оружія; и стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча *змѣиная* сокрыта—отъ змѣя двунадесятьглаваго, того змѣя страшнаго, что̀ пролетѣлъ со окіанъ-моря“ ([3]). По сходству ползучей, извивающейся змѣи и

([1]) Мысли объ исторіи рус. языка, стр. 135—6.

([2]) Пѣсни Рыбникова, ч. III, стр. 198.

([3]) Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 27.

ужа съ веревкою и поясомъ, сходству, отразившемуся въ языкѣ (*ужище* — веревка=*гужъ* и *ужъ*; въ вышеприведенной загадкѣ поясъ метафорически названъ ужомъ), чародѣйнымъ узламъ заговора дается та-же могучая сила, какая приписывается миѳическому многоглавому змѣю, представителю громовыхъ тучъ и молній. Въ старину вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ „завязывать" чужое оружіе, что ихъ не брали ни сабли, ни стрѣлы, ни пули. Такое мнѣніе имѣли современники о Стенькѣ Разинѣ. Относительно болѣзней и вообще всякаго зловреднаго вліянія нечистой силы выраженія *связывать* и *опутывать* получили значеніе спасительнаго средства, *связывающаго* злыхъ демоновъ и тѣмъ самымъ подчиняющаго ихъ—волѣ заклинателя. Апокрифическое слово о *крестѣ честнѣ* (по болгарской рукописи) заставляетъ Соломона заклинать демоновъ принести ему третье древо — этой формулой: „*завѣ(я)зую* васъ азъ *печатію* господнею" (1). Припомнимъ, что печать въ старину привѣшивалась на завязанномъ шнуркѣ (2). Тою-же формулой дѣйствуетъ заговоръ и противъ колдуновъ и вѣдьмъ: „*завяжи*, Господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ и упирцу (уста и языкъ) — на раба божія (имярекъ) зла не мыслити". (3) *Завязать* получило въ устахъ народа смыслъ: воспрепятствовать, не допустить: „мини якъ завязано" (малорос.)— мнѣ ничто не удается. Заговорныя слова, означавшія побѣду заклинателя надъ нечистою силою мрака, смерти и болѣзней, опутываніе ихъ, словно плѣнниковъ, цѣпями и узами, (по необходимому закону древнѣйшаго развитія, когда все воплощалось въ наглядный обрядъ) вызвали дѣйствительное завязываніе узловъ. Отсюда въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ играютъ значительную роль *наузы*, *узлы*, *навязки* — амулеты. Кириллъ Туровскій, исчисляя мытарства, по которымъ шествуетъ грѣшная душа по смерти, говоритъ: „13-е мытарство—волхованіе, потворы, *наузы*"(4). Софійская лѣтопись подъ 1044 годомъ разсказываетъ о Всеславѣ: „матери бо родивши его, бѣ ему на главѣ знамя язвено — яма на главѣ его; рекоша волсви матери его: се язвено, *навяжи на-нь*, да

(1) Историч. очерки русск. нар. словесности и искусства, т. I. стр. 490.

(2) Печать получаетъ значеніе налагаемыхъ узъ: запечатать кому уста — все равно, что „завязать кому ротъ", т. е. заставить молчать. Особенно важную роль играетъ это слово въ заговорахъ на остановленіе крови („запечатать рану"), вслѣдствіе сродства его съ выраженіемъ: кровь или рана запеклась (см. заговоръ, приведенный г. Буслаевымъ въ Архивѣ историко-юрид. свѣд., т. II, полов. 2, стр. 40).

(3) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Росс., т. II, полов. 2, стр. 53—54.

(4) Рукописи графа Уварова, стр. 112.

носитъ е̑ (наузу) до живота своего на себѣ“ (¹). Въ старинномъ словѣ, приписанномъ св. Кириллу, читаемъ: „а мы суще истинные христіяне прельщены есмы скверными бабами... оны прокляты и скверны и злокозньны (бабы) *наузы* (наузами) много вѣрныя прельщають: начнеть на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на землю, рекше—бѣса проклинаеть, а она его болѣ призываеть творится, дѣти врачующе“ (²). Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ новгородцамъ (1410 г.) даетъ такое наставленіе церковнымъ властямъ: „такожъ учите ихъ (паству), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни *узловъ*, ни примовленья, ни зеліа, ни вороженья, и елика такова; занеже съ того гнѣвъ божій приходитъ. И гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали и каялись бы, а не имутъ слушати, не благословляйте ихъ; христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не дрьжали межу себѣ нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты, а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ также отъ церкви отлучайте“ (³). Но обычай былъ сильнѣе этихъ запретовъ, и долго еще „мнози отъ человѣкъ, приходящи къ волхвамъ и чародѣямъ, принимали отъ нихъ нѣкая бѣсовская наюзы и носили ихъ на себѣ“ (⁴). Въ рукописныхъ сборникахъ поучительныхъ словъ XVI столѣтія встрѣчаемъ упреки: „немощъ волжбою лѣчатъ и *наузы* чарованіи и бѣсомъ требы приносятъ, и бѣса, глаголемаго трясцю (лихорадку), творятъ(ся) отгоняющи... Се есть проклято. Того дѣля многи казни отъ Бога за неправды наши находятъ; не рѣче бо Богъ лѣчитися чарованіи и *наузы*, ни въ стрѣчу, ни въ полазъ, ни въ чехъ вѣровати то есть поганско дѣло“. (*Варіантъ*: „жертву приносятъ бѣсомъ, недуги лѣчатъ чарами и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго трясцю, мняться прогоняюще нѣкими ложными писмяны“) (⁵) Болгарская рукопись позднѣйшаго письма осуждаетъ женъ, „кои завѣзуютъ зверове (вар. скоти), и мечки, и гледать на воду, и завезуютъ деца малечки“ (дѣтей) (⁶). Знахарямъ, занимавшимся навязывані-

(¹) П. С. Р. лѣт., т. V, стр 138. Памятникъ XII столѣт (вопросы Кирика) упоминаетъ, что матери носили своихъ новорожденныхъ дѣтей къ волхвамъ (Памят. рос. слов. XII в., стр. 202).

(²) Москвит. 1844, № 1, стр. 243—4.

(³) А. Арх. Экс., т. I, № 369.

(⁴) Историч. очерки нар. міросозерцанія, Щапова, стр. 71; Временникъ, ч. I, стр. 38 „Домостроя“.

(⁵) Архивъ историко-юрид. свѣд. о Россіи, кн. II, полов. 1, стр. XXVII; полов. 2, смѣсь, стр. 48—49.

(⁶) Архивъ историко-юрид. свѣдѣн., кн. II, полов. 2, стр. 41.

емъ такихъ амулетовъ, давались названія *наузника* (¹) и *узольника*, какъ видно изъ одной рукописи С.Петербургской публичной библіотеки, гдѣ признаны достойными отлученія отъ св. причастія: *обавникъ*, *чародѣй*, *скоморохъ* и *узольникъ* (²). Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею: бо́льшею частію это были травы, коренья и иныя снадобья (уголь, соль, сѣра, засушенное крыло летучей мыши, змѣиныя головки, змѣиная или ужовая кожа, и проч.), которымъ суевѣріе приписывало цѣлебную силу отъ той или другой болѣзни; смотря по роду немощи, могли мѣняться и самыя снадобья (³). Иногда, вмѣсто всякихъ цѣлебныхъ средствъ, зашивалась въ лоскутъ бумажка съ написаннымъ на ней заговоромъ и привѣшивалась къ шейному кресту. У германскихъ племенъ привязывались на шею, руку или другую часть тѣла *руны* (тайныя письмена) для излѣченія отъ болѣзни и предохраненія отъ колдовства, и амулеты эти назывались *ligaturae* (въ среднія вѣка) и *angehenke* (⁴). Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ *ладона* (который получилъ особенно-важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усилилось, что всѣ привязки стали называться *ладонками* — даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародьи: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣваютъ ихъ на шею въ предохраненіе отъ бѣдъ и порчи. Въ XVII вѣкѣ приведенъ былъ въ приказную избу крестьянинъ Игнашка Васильевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поданъ его „крестъ мѣдной да корешокъ невеликъ, да травки немного *завязано въ узлишки* у креста“. На распросѣ Игнашка показалъ, что тотъ „корешокъ девесилной, а травка де ростетъ въ огородахъ, а какъ ее зовутъ, того онъ не вѣдаетъ; а держитъ де онъ тотъ корешокъ и травку отъ лихорадки.“ По осмотру посадскаго человѣка Якушки Паутова оказалось, что корень тотъ называется „девятины — отъ сердечные скорби держатъ, а травишко де держатъ отъ гнетенишные скорби, а лихого де въ томъ ничего нѣтъ.“ За такое лѣченье Игнашка былъ наказанъ батогами (⁵). Въ тверской губерн., для охраны стада отъ

(¹) Пам. стар. рус. литер. в. IV, стр. 202: поученіе митрополита Даніила; Опытъ обл. слов., стр. 125.

(²) Архивъ историко-юрид. свѣд., кн. II, полов. 2, стр. 37—38, статья А. Попова.

(³) Обозр. рус. суевѣрій, Пузины, стр. 162; Этнограф. сборн., в. II, стр. 29. Наузы (чешск. navusi, navasy; navasovati — колдовать) въ употребленіи и между другими славянскими племенами (Зап. морск. офицера, ч. I, стр. 278; Отечеств. Зап. 1853, № 8. отдѣлъ иностр. литер., стр. 86).

(⁴) D. Myth. Гримма, стр. 1125—6.

(⁵) Юрид. Акты, № 30.

звѣрей, навязываютъ на шею передовой ([1]) коровы сумку съ какимъ-то снадобьемъ; сумка эта называется *вязло* ([2]), и значеніе чары состоитъ въ томъ, что она *связываетъ* пасть дикаго звѣря. При весеннемъ выгонѣ лошадей въ поле, берутъ висячій *замокъ*, и то, запирая его, то отмыкая, обходятъ трижды кругомъ стада и и причитываютъ: „*замыкаю* я симъ булатнымъ замкомъ сѣрымъ волкамъ уста отъ моего табуна". За третьимъ обходомъ запираютъ замокъ окончательно и кладутъ его въ воротахъ, чрезъ которыя выгоняютъ лошадей; замокъ же прячутъ гдѣ-нибудь, оставляя замкнутымъ до самой осени, пока табунъ гуляетъ въ полѣ. Крѣпкое слово заговора, словно ключемъ, замыкаетъ уста волковъ ([3]). Подобнымъ образомъ болгары думаютъ сберечь свои стада суевѣрнымъ обрядомъ, основаннымъ на выраженіи *зашить волчьи уши, очи и уста*. Вечеромъ баба беретъ иголку съ ниткою и начинаетъ зашивать полу своей одежды, а какой-нибудь мальчикъ ее спрашиваетъ: „что шіешъ, бабо?"—Зашивамъ, сынко, на влъцы-тѣ уши-тѣ, да не чуятъ овце-тѣ, козы-тѣ, свине-тѣ и теленца-та. Мальчикъ повторяетъ свой вопросъ, и получаетъ отвѣтъ: зашивамъ, сынко, на влъцы-тѣ очи-тѣ, да не видятъ овце-тѣ и т. дал. Въ третій разъ баба говоритъ: „зашивамъ на влъцы-тѣ уста-тѣ, да не ѣдятъ" овецъ, козъ, свиней и телятъ ([4]). Нерѣдко наузы состоятъ изъ простой нитки или бичевки съ узлами, и это едва ли не древнѣйшая ихъ форма; такъ отъ лихорадки носятъ на рукахъ и ногахъ повязки изъ *красной* шерсти или тесьмы; девять нитокъ подобной шерсти, навязанныя на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скорлатина-*краснухи*; отъ глистовъ употребляютъ тоже навязываніе пряжи на дѣтей. Если *разовьется* рука, т. е. заболитъ связка ручной кисти, то ее *обвязываютъ красною пряжею* ([5]). Такое симпатическое лѣченье извѣстно и у нѣмцевъ. Кромѣ того, на Vogelsberg'ѣ отъ лома въ костяхъ носятъ *желѣзныя кольца*, выкованныя изъ такаго гвоздя или крюка, на которомъ кто-нибудь *повѣсился* ([6]). Въ случаѣ вывиха или перелома, и у насъ и въ Германіи поселяне отыскиваютъ дерево, которое, раздѣлившись на двѣ вѣтви, потомъ снова срослось въ одинъ стволъ, и въ об-

---

([1]) Корова, которая ходитъ впереди стада.

([2]) Опытъ обл. словаря, стр. 34.

([3]) Библ. для Чтенія 1848 г., № 9, статья Гуляева. стр. 55—56.

([4]) Черниг. губ. вѣдом. 1861 г., № 6.

([5]) Иллюстрац., годъ I, стат. Даля, стр. 565; Обозр. нар. суевѣрій, Пузины, стр. 160.

([6]) D. Myth, стр. 1117, 1121; Маннгардтъ, Die Götterwelt der deut. und nordisch. Völker, стр. 197.

разовавшееся отъ того отверстіе протаскиваютъ больныхъ дѣтей; или нарочно раскалываютъ молодое зеленое дерево (преимущественно дубъ) надвое, протаскиваютъ больнаго сквозь разщепленныя половины и потомъ связываютъ ихъ веревкою (1): пусть также сростется поломанная кость, какъ сростается связанное дерево. Отъ бородавокъ на Руси извѣстно такое лѣченье: завязываютъ наниткѣ столько узловъ, сколько насчитано бородавокъ, и потомъ зарываютъ ее въ землю, съ убѣжденіемъ, что какъ скоро сгніютъ узлы— тотчасъ же пропадутъ и бородавки. Есть еще обычай, въ силу котораго снимаютъ съ больнаго *поясокъ* и бросаютъ на дорогѣ; кто его подыметъ и надѣнетъ на себя, тотъ и заболѣетъ, т. е. къ тому болѣзнь и *привяжется*; а хворый выздоровѣетъ (2). Нить съ узелками или еще лучше *сѣть* (потому что нигдѣ нѣтъ столько узловъ, какъ на ней) почитаются охранительными средствами противъ нечистой силы, колдуновъ и вѣдьмъ. Чтобы поймать вѣдьму, должно спрятаться подъ осиновую *борону* и ловить ее *уздою;* подъ бороною она не можетъ повредить человѣку, такъ какъ верхняя часть бороны дѣлается изъ *свитыхъ вмѣстѣ лозъ* (3). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наряжая невѣсту къ вѣнцу, накидываютъ на нее *бредень* (рыболовная сѣть), или навязавъ на *длинной ниткѣ*, какъ можно—болѣе, *узелковъ, подвязываютъ ею* невѣсту; дѣлается это съ цѣлію противодѣйствовать порчѣ. Точно также и женихъ и самые поѣзжане опоясываются *сѣткою* или *вязаннымъ поясомъ*—въ томъ убѣжденіи, что колдунъ ничего злаго не въ силахъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не распутаетъ безчисленныхъ узловъ сѣти или пока не удастся ему снять съ человѣка его поясъ (4). Нѣкоторые крестьяне думаютъ, что ходить безъ пояса грѣшно (5), и что подъ шкурою убитаго оборотня неразъ находили парня или бабу, превращенныхъ колдовствомъ въ хищнаго звѣря, и всегда *безъ пояса*.

Мы указали, что слово *крутить, окручивать*, отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести—перешло къ опредѣленію понятій:

---

(1) D. Myth., стр. 1118—9; Маннгардтъ, Die Götterwelt etc., стр. 197; Ворон. губ. вѣдом. 1851, № 12.

(2) Этногр. сбор., вып. VI, стр. 129, статья первая.

(3) Кто желаетъ добыть шапку-невидимку или неразмѣнный червонецъ отъ нечистаго, тотъ, по народному повѣрью, можетъ вымѣнить у него эти диковинки на черную кошку; но непремѣнно долженъ обвязать ее сѣтью или ниткою съ узелками, а то—бѣда неминучая! Сказанное же средство спасаетъ отъ несчастія, потому что нечистой до тѣхъ поръ связанъ въ своихъ злобныхъ дѣйствіяхъ, пока не распутаетъ всѣхъ узловъ.

(4) Иллюстрац., годъ 2, стр. 333; Отеч. Зап. 1848 г., т. 56, стр. 204.

(5) Владим. губ. вѣдом. 1844 г., № 49.

одѣвать, наряжать (*окрута* — женское нарядное платье и вообще одежда, *окрутить* — одѣть, *окручать* — заплетать невѣстѣ двѣ косы, наряжать въ женской головной уборъ, *окручаться* и *окрутиться* — наряжаться, маскироваться, *окрутникъ* — наряженный по святочному, замаскированный) ([1]), и въ этомъ смыслѣ явилось синонимомъ глаголамъ: *облача(и)ть* и *оборотить* (обворотить, обвернуть), точно также какъ слово *окрута* — одежда тождественно по значенію съ словомъ *облако* (облаченіе). Облака и тучи издревле понимались, какъ темные покровы, въ которые облекается свѣтлое небо. До сихъ поръ объ облачномъ, туманномъ небѣ говорится: *заволокло*; въ областномъ языкѣ облако называется — *наволока*. Творческія силы природы, являясь въ грозовыхъ тучахъ, представлялись демоническими существами, облачившимися въ волчьи или другія животненныя шкуры, *оборотнями* (вовкулаками), что въ символическомъ обрядѣ стародавнихъ языческихъ празднествъ представлялось наряживаньемъ *окрутниковъ*. Оборотень-вовкулакъ (до слова: покрытый, обвернутый волчьей шкурою), по объясненію стариннаго памятника, есть духъ, нагоняющій на горизонтъ темныя тучи — тучегонитель. Съ другой стороны въ весенней грозѣ древній человѣкъ созерцалъ свадебное торжество, брачный союзъ, въ который богъ-громовникъ вступалъ съ облачными нимфами, проливая на землю продотворное сѣмя дождя. Поэтому латин. *nubere* (отъ *nubes* — облако) — покрываться получило еще другое значеніе: жениться; гречес. νέφος — облако и νύμφη, νύμφιος — невѣста и женихъ. Покрывало, которымъ окручиваютъ голову невѣсты, ея *фата*, есть символическое знаменіе того облачнаго покрова, подъ которымъ являлась прекрасная богиня Весна, разсыпающая на всю природу богатые дары плодородія. Покрытіе головы сдѣлалось признакомъ замужства. Только дѣвица можетъ ходить съ открытою головою и красоваться своею русою косою; замужнимъ строго воспрещается выказывать хотя одинъ волосокъ изъ-подъ платка или кички — быть *простоволосою*. Митрополитъ Симонъ въ посланіи своемъ 1501 года, возвышая голосъ свой противъ разныхъ отступленій отъ церковныхъ уставовъ, прибавляетъ: „а жены ваши ходятъ простовласы непокровенными главами, ино то чините не по закону христіанскому". Арабскій писатель XIII вѣка такъ описываетъ брачный обрядъ у славянъ: „если кто чувствовалъ склонность къ какой-нибудь дѣвицѣ, то *набрасывалъ ей на голову покрывало* — и она безпрекословно становилась его женою." Тоже воззрѣ-

---

([1]) Опытъ обл. слов., стр. 140.

ніе высказывается въ словѣ *покрытка*, которымъ въ Малороссіи клеймятъ дѣвицу, потерявшую невинность. ([1])

Изъ сейчасъ-указанной связи понятій, подъ несомнѣннымъ воздѣйствіемъ метафорическаго языка, возникло повѣрье о превращеніи молодой четы и всего свадебнаго поѣзда въ оборотней-волковъ. Это превращеніе приписано чарамъ колдуновъ и вѣдьмъ, которымъ преданія присвоиваютъ полеты въ тучахъ и власть надъ грозовыми явленіями природы. Сейчасъ было сказано, что науза связываетъ колдуна, мѣшаетъ его чарамъ, и что онъ не прежде можетъ превратить человѣка въ звѣря, какъ снявши съ него предохранительную сѣтку или поясъ; но съ другой стороны та-же науза въ рукахъ колдуна и вѣдьмы получаетъ страшную силу: ею онъ покоряетъ себѣ все и все заставляетъ повиноваться своей волѣ. Своими метафорическими выраженіями древній языкъ пользовался весьма свободно и сочеталъ съ ними разнообразныя и часто совершенно-противоположныя представленія. По связи *окручиванья* съ *наузами*—эти послѣднія почитаются даже необходимымъ условіемъ оборотничества. Чтобы превратить свадебное сборище въ стаю волковъ, колдуны берутъ столько ремней или мочалокъ, сколько нужно оборотить лицъ, нашептываютъ на нихъ, и потомъ этими ремнями или мочалками *подпоясываютъ* обреченныхъ, которые тотчасъ-же и становятся вовкулаками. Оборотни не иначе могутъ получить прежній человѣческій образъ, какъ только въ томъ случаѣ, когда чародѣйный поясъ *изотрется* и *лопнетъ* ([2]). Въ подляшской Руси разсказываютъ, что вѣдьма, чтобы обратить свадебный поѣздъ въ волковъ, *скрутила свой поясъ* и положила подъ порогъ избы, гдѣ была свадьба, и всѣ, кто только переступилъ черезъ поясъ — обратились въ волковъ. По другому разсказу она *крутила для этого липовыя лыки*, варила ихъ и отваромъ этимъ обливала поѣзжанъ ([3]). Сами вѣдьмы и колдуны, желая превратиться въ волковъ, бросаютъ на себя *кольцо* или кувыркаются черезъ *обручи* ([4]).

Замокъ, какъ таже науза, получаетъ въ свадебныхъ обрядахъ символическое значеніе орудія, замыкающаго супружескую цѣпь. Въ нижегородской губ. сватъ, ударивши по рукамъ съ отцемъ

([1]) Акты Истор., т. I, № 112, II; Учен. Зап. 2-го отдѣл. Академіи наукъ, кн. VII, вып. 2, стр. 12—14.

([2]) Воронежск. Бесѣда, стр. 195.

([3]) О нѣкот. символахъ, Потебни, стр. 140; Deut. Myth., стр. 1049—1050.

([4]) D. Myth., стр. 1049.

невѣсты, вынимаетъ маленькой замочекъ, запираетъ его и прячетъ въ карманъ во знаменіе крѣпости предположеннаго союза ([1]); въ другихъ мѣстностяхъ, отпуская невѣсту къ вѣнцу, кладутъ ей въ карманъ замокъ (астр. губ.), или: когда женихъ и невѣста пріѣдетъ изъ церкви—то старая женщина кладетъ замокъ и ключъ на порогъ избы, и какъ только новобрачные переступятъ черезъ него—тотчасъ же запираетъ этотъ замокъ, а ключъ бросаетъ въ рѣку, на всегдашнюю любовь и нерушимое согласіе юной четы ([2]). Крѣпость запертаго замкà, отъ котораго потерянъ ключъ (заброшенный въ воду), сближается съ мыслію о всегдашней замкнутости супружескаго союза. Но метафора эта могла имѣть и другія примѣненія, и соотвѣтственно имъ породить новыя и даже совершенно - противоположныя представленія и повѣрья. Тотъ - же ключъ, который скрѣпляетъ союзъ любящихся, смыкая соединяющую ихъ цѣпь, въ иномъ метафорическомъ примѣненіи можетъ *запереть сердце милаго* и сдѣлать его недоступнымъ внушеніямъ любви. Въ одной пѣснѣ дѣвица жалуется:

У милаго сердце каменно,
Золотымъ ключемъ заперто,
Золоты ключи потеряны,
Что въ Оку-рѣку заброшены,
Бѣлымъ камешкомъ наложены ([3]).

Отсюда легко было возникнуть чарамъ на *остуду* красной дѣвицы или добра молодца: стоило только запереть на имя той или другаго замокъ и забросить ключъ въ рѣку—и дѣло сдѣлано. Мало того: одна и таже метафора могла служить и для означенія оплодотворяющей силы, дѣйствующей въ бракѣ, и для выраженія безплодія и мужской немощи. Языкъ доселѣ удерживаетъ выраженія: *любовная связь*, парень *повязался*, *свозжался* съ дѣвкою, обозначая тѣмъ въ пластическомъ образѣ сочетаніе мущины и женщины во едино. Эта метафора подала поводъ къ созданію любопытной народной сказки, принадлежащей къ разряду неудобныхъ для печати. Колдунъ даетъ мужику волшебный *ремешокъ*; тотъ накрываетъ свою невѣрную жену съ любовникомъ на самомъ дѣлѣ незаконной любви, *завязываетъ на ремнѣ узелокъ*, и тѣмъ самымъ скрѣпляетъ ихъ такъ, что никакія усилія не могутъ ихъ развести. Собирается тол-

([1]) Отеч. Зап 1843, № 1, стр. 19, стат. Бурнашева.
([2]) Абевега, стр. 196; Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 56.
([3]) Пѣсни крестьянъ владимір. и костромск. губ., изд. Смирнова, стр. 45; Записки о Сибири, Авдѣевой, стр. 129.

па и рѣшаетъ послать за знахарями; явился одинъ знахарь, только сталъ ворожить да обдувать невольную чету, какъ мужикъ завязалъ еще узелокъ на ремнѣ — и знахарь прилипъ бородою къ любовникамъ. Явился другой знахарь, и послѣ завязаннаго еще узла прилипъ съ другой стороны; третій знахарь сунулъ было свою руку, и за вновь-сдѣланнымъ узломъ рука его такъ крѣпко пристала, что и оторвать нельзя. Сталъ было одинъ парень разбивать ихъ метлою, а мужикъ завязалъ новый узелъ — и парень вмѣстѣ съ метлою прилипъ къ любовникамъ и знахарямъ. Все это сборище только тогда и разошлось, какъ развязалъ оскорбленный мужъ узлы на своемъ ремнѣ. Этотъ нескромный разсказъ напоминаетъ намъ греческій миѳъ о томъ, какъ Гефестъ опуталъ тонкими *сѣтями* ложе, на которомъ покоилась Киприда съ любовникомъ Ареемъ (Одиссея, пѣснь VIII), и сказки, извѣстныя у разныхъ народовъ о томъ, какъ невѣрная жена, любовникъ и всѣ, кто хотѣлъ имъ помочь, прилипали къ золотому гусю, или какъ воръ, вздумавшій похитить овцу съ серебристой волною, прилипъ къ ней обѣими руками, а вслѣдъ за нимъ прилипали и всѣ тѣ, которые хотѣли его оторвать (¹). Впрочемъ въ этихъ сказкахъ опущена самая существенная черта преданія: свидѣтельство объ наузахъ.

Но древній метафорическій языкъ допускалъ и такое выраженіе: „замкнуть, завязать силу плодородія.“ Въ зимнее время небо перестаетъ посылать на землю оплодотворяющее сѣмя дождей; холода и стужи какъ-бы *запираютъ* небесные источники, *запираютъ* и самую землю, которая лежитъ окованная снѣгами и льдами, и ничего не рождаетъ изъ своей материнской утробы. Старинное поучительное слово обозначаетъ бездождіе—*завязаннымъ* или *замкнутымъ небомъ*. Возставая противъ суевѣрнаго уваженія къ отреченнымъ (апокрифическимъ) сказаніямъ, проповѣдникъ замѣчаетъ: „того ради *завязано небо*, не пуститъ дождя на землю“ (²). Съ возвратомъ весны богъ-громовникъ, разбиватель темныхъ тучъ и податель плодородія, отпираетъ своею молніей облачные источники и напояетъ землю дождями; онъ даетъ землѣ производительную силу и отпираетъ ея замкнутыя нѣдра. До перваго грома земля, по народному выраженію, *не растворяет-*

(¹) Н. Р. С., в. V, № 33; Kinder-und Hausmärch., т. I, № 64; Zeitschrift für Deut. Myth., т. II. стр. 197—201; Slov. čitanka Эрбена, стр. 34—35; Westslawisch Märchenschatz, стр. 61—62; сборн. Худякова, вып. III, № 99.

(²) Архивъ историко-юрид. свѣд., кн. II, полов. 1, стр. XXVII.

ся (¹). Потому молнія въ поэтическихъ сказаніяхъ народа есть золотой Перуновъ *ключъ*. Народная загадка такъ выражается о молніи: „Дѣва Марія (христіанская подмѣна древней богини Весны — громовницы) по̀ воду ходила, ключи обронила“, т. е. чтобы добыть дождевую воду—она бросаетъ ключъ-молнію. Въ сербской пѣснѣ громовникъ Илья-пророкъ говоритъ Огняной Маріи, огорченной людскими грѣхами:

Молиђемо Бога истинога,
Нек нам даде *кључе од небеса,*
Да затворим' седмера небеса,
Да ударим' печат на облаке,
Да не падне дажда из облака,
Плаха дажда, нити роса тиха...
Да не падне за три године,
Да не роди вино, ни шеница (²).

(Станемъ молить истиннаго Бога — пусть дастъ намъ ключи отъ неба, и затворимъ седьмь небесъ, наложимъ печать на облака, да не падетъ изъ нихъ ни шумящій дождь, ни тихая роса... три года и да не родится ни вино, ни пшеница). Языческія преданія о Перунѣ въ позднѣйшую эпоху были перенесены двоевѣрнымъ народомъ на Илью-пророка и Юрія Храбраго. На вешній Юрьевъ день (23 апрѣля), когда бываетъ первый выгонъ скотины на пастбище, бѣлоруссы причитываютъ:

Святый Юрья, божій пасолъ,
До Бога пашовъ,
А узявъ ключи золотые,
Атамкнувъ землю сырусенькую,
Пусьцивъ росу цяплюсенькую (теплую)
На Бѣлую Русь и на увесь свѣтъ (³).

Но главнымъ образомъ представленіе о ключѣ-молніи сочеталось въ народныхъ повѣрьяхъ съ апостоломъ Петромъ, такъ какъ ему, по евангельскому свидѣтельству, обѣщаны ключи царства небеснаго. По выраженію сербскихъ пѣсенъ, при раздѣлѣ могучихъ силъ природы—ему достались лѣтніе жары (льетне вруħине), урожаи нивъ и виноградниковъ и „кључеве од небеског царства“ (⁴).

(¹) Украин. приказки, стр. 9.
(²) Српске нар. пјесме, кн. II, стр. 2—6.
(³) Пантеонъ 1856 г., № 3, стр. 5.
(⁴) Срп. нар. пјесме, ч. I, стр. 156; ч. II, стр. 2.

Чехи взываютъ къ нему: „sv. Petr na vrchu (на небѣ) hřimá, dá nám trochu vina!“ (¹) Сейчасъ приведенная нами бѣлорусская пѣсня варіируется еще такъ:

А Юрью, мой Юрью!
Подай Петру ключи
Зямлю одомкнуци,
Траву выпусцици,
Статокъ (скотину) накормици (²).

Соотвѣтственно съ символическимъ представленіемъ вѣтровъ и грозы быстролетными птицами, народное русское повѣрье говоритъ, что ключи отъ неба (рая) находятся у той или другой птицы, которая, улетая на зиму, уноситъ ихъ съ собою, а весною снова прилетаетъ отпирать небесные источники. Въ мартѣ-мѣсяцѣ, закликая весну, въ деревняхъ смоленской губ. поютъ:

Благослови, Боже,
Весну кликаць,
Зиму провожаць,
Лѣта дожидаць!
Вылети, сизая галочка,
Вынеси золоты ключи,
Замкни холодную зимоньку,
Отомкни цеплое лѣтечко (³)

Въ одной обрядовой пѣснѣ полтавской губ. галка называется *золотою ключницею* (⁴). Въ Малороссіи разсказываютъ, что ключи отъ рая=вирія хранитъ при себѣ вѣстница весны—кукушка или соя (⁵). Въ великорусскихъ губерніяхъ вѣрятъ, что 9-го марта „прилетаетъ куликъ изъ-за мòря, *приноситъ воду изъ неволья*“ (⁶). Итакъ, слѣдуя поэтическому выраженію старины, Перунъ отпираетъ облака и посылаетъ дожди и плодородіе; но въ его божественной волѣ было и не давать благодатнаго дождя и наказывать смертныхъ неурожаями, почему ему приписывали и самое замыканіе тучъ, задержаніе дождевыхъ потоковъ. Въ числѣ разнообразныхъ метафо-

(¹) Bájeslovný kalendář Гануша, стр. 165, 193.
(²) Матеріалы для сравнит. словаря, т. II, стр. 187.
(³) Смолен. губернія, Цебрикова, стр. 271 и 288.
(⁴) Полтав. губ. вѣдом. 1846 г., № 19.
(⁵) Москвит. 1846 г., № 11 и 12, стр. 153.
(⁶) Архивъ историко-юрид. свѣд., кн. II, полов. 2, стр. 117.

рическихъ сближеній, какія съ необыкновенною смѣлостью и свободою допускала фантазія древнѣйшаго человѣка, падающій съ неба дождь уподоблялся крови, истекающей изъ ранъ, наносимыхъ Перуновыми стрѣлами облачнымъ демонамъ. Отсюда возникли заговоры на остановленіе руды (крови), заговоры, обращенные къ богу-громовнику съ мольбою запереть кровавыя раны—также, какъ запираетъ онъ дождевые источники. Приведемъ слова заговоровъ: „Шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, *ручьи-протоки запираетъ*, *руду унимаетъ*—стрѣльную, ручебную, ножевую, топоровую...“ (1). „Встану благословясь, пойду перекрестясь во чистое поле, во зеленое поморье, погляжу на восточную сторону: съ правой, со восточной стороны летятъ три *врана*, три брательника, *несутъ трои золоты ключи*, *трои золоты замки*; *запирали они*, *замыкали они воды и рѣки и синія моря*, *ключи* (источники) *и родники*; заперли они, замкнули они раны кровавыя — кровь горячую. *Какъ изъ неба синяго дождь не канетъ*, *такъ бы у раба божьяго* (имярекъ) *кровь не канула*. Аминь“ (2). „Есть въ святомъ морѣ—лежитъ лотырь-камень, на томъ камню стоитъ Іоаннъ-креститель, подпершись желѣзнымъ посохомъ, и уговариваетъ у раба божьяго (имярекъ) кровавую рану—посѣченную, порѣзанную, въ бѣломъ тѣлѣ щипоту, въ костяхъ ломоту, уговариваетъ у раба божьяго семьдесятъ жилъ, становыхъ три жилы, и *замыкаетъ ключемъ божіимъ*“ (новгородск. луб.). Выраженія эти перешли въ самый обрядъ: при сильномъ теченіи крови изъ носу берутъ *замкнутый замокъ* и даютъ крови капать сквозь его дужку, или вмѣсто этого — держатъ въ обѣихъ рукахъ по ключу, и вѣрятъ, что такое средство останавливаетъ теченіе руды: кровавая жила запирается (3).—Подобно тому, какъ зимніе холода и лѣтнія засухи запираютъ плодотворное сѣмя дождей, такъ точно можно чародѣйными заговорами замкнуть силу плодородія въ обвѣнчанной четѣ. Германцы приписываютъ вѣдьмамъ такую чару надъ молодыми супругами: во время свадьбы вѣдьма *запираетъ замокъ* и забрасываетъ его въ воду, и пока замокъ не будетъ найденъ и отомкнутъ, супружеская чета дѣлается неспособною къ соитію. Чара эта называется **schloss-schliessen** и **nestelknüpfen** (**nest**—шнурокъ, ремешекъ, **knüpfen** — завязывать) (4).

---

(1) Историч. очерки народ. міросозерцанія, Щапова, стр. 56.

(2) Иллюстрац. 1845 г., стр. 250.

(3) Ibidem, стр. 503.

(4) D. Myth., стр. 1027.

Въ Сербіи враги, желающіе, чтобы у новобрачныхъ не было дѣтей, украдкою завязываютъ одному изъ нихъ узлы на платьѣ ([1]). Интересна жалоба, занесенная въ протоколъ стародубскаго магистрата 1-го генваря 1690 года. Тимошка Матвѣевъ билъ челомъ на Чернобая, который во время свадьбы *обвязывалъ* его невѣдомо для чего *ниткою - портнинкою*, и съ того де часу онъ Тимошка уже два года не имѣетъ съ своей женою никакого *сполкованя* (spólkowanie=соитіе), а портнинку Чернобай забросилъ и сказываетъ, что безъ нея пособить бѣдѣ не умѣетъ. Какъ въ приведенныхъ чарахъ узлы производятъ плотское безсиліе, такъ точно *закручиванье* колосьевъ (ржи, овса, конопли) на нивѣ можетъ, по повѣрью, отнимать у хлѣба спорынью (плодородіе) и вмѣстѣ съ тѣмъ производить гибель скота и людей — обычныя слѣдствія неурожаевъ и голода въ старину, когда не знали предосторожности и не дѣлали запасовъ. Неурожай, голодъ и повальныя болѣзни бывали, по свидѣтельству лѣтописей, всегда неразлучны. *Закрутъ (заломъ, завитокъ)*, до сихъ поръ наводящій ужасъ на цѣлыя села, не должно смѣшивать съ завиваньемъ колосьевъ на бороду Волосу; это послѣднее возникло изъ уподобленія связанныхъ созрѣлыхъ колосьевъ завитой бородѣ древняго бога, имѣло значеніе жертвеннаго приношенія и донынѣ совершается явно и съ добрыми пожеланіями—на урожай и обиліе. Напротивъ закрутъ завивается тайно изъ жажды мщенія, изъ желанія причинить хозяину нивы зло и сопровождается заклятіемъ на гибель плодородія; онъ совершается такъ: злобный колдунъ беретъ на корню пучокъ колосьевъ, заламываетъ ихъ и крутитъ (свиваетъ) на *западъ* — сторона, съ которой соединяется понятіе смерти, нечистой силы и безплодія; въ узлѣ залома находятъ иногда распаренныя зерна и могильную землю: и то и другое—символъ омертвенія. Въ старинныхъ требникахъ есть молитвы, которыя слѣдовало читать надъ такимъ очарованнымъ мѣстомъ: послѣ установленнаго молитвословія, священникъ выдергивалъ закрутъ церковнымъ крестомъ, и тѣмъ отстранялъ его зловредное вліяніе ([2]).

У грековъ и римлянъ *поясъ* служилъ эмблемою дѣвственности, подобно тому, какъ въ нашемъ сказочномъ эпосѣ дѣвица представляется подъ символомъ замкнутаго ларчика, ключемъ отъ котораго владѣетъ ея будущій супругъ. Всякая дѣвица подпоясыва-

---

(1) Потебни. О нѣкот. символахъ въ нар. поэзіи, стр. 139.

(2) Сахар. Сказ. рус. нар., т. I, стр. 53; Иллюстр. 1845, стр. 538; Опытъ обл. словаря, стр. 60, 95.

лась шерстянымъ поясомъ, который разрѣшался въ первую брачную ночь ея мужемъ (см. Одиссею, пѣсня XI, стихи 245—6).

Во время родовъ узлы и поясъ почитаются вредными, потому что съ ними нераздѣльно понятіе связыванія, замыканія, а въ настоящемъ случаѣ нужно, чтобы женщина *разрѣшилась* отъ бремени (нѣм. *entbunden werden*), чтобы ребенку былъ свободный, открытый путь. Вліяніе языка обнаружилось въ созданіи слѣдующихъ повѣрій: на родильницѣ не должно быть ни одного узла, даже расплетаютъ ей косу ([1]). Но этого недостаточно: при трудныхъ родахъ призываютъ отца и заставляютъ его развязать или ослабить поясъ, отстегнуть воротникъ сорочки, распустить учкуръ (поясокъ у штановъ), и въ то-же время открываютъ у печи заслонку, отпираютъ сундуки и выдвигаютъ всѣ ящики ([2]. Во многихъ мѣстахъ, во время трудныхъ родовъ, просятъ священника отворить царскія врата въ храмѣ, а повивальная бабка читаетъ при этомъ „Сонъ пресвят. Богородицы" ([3]). Въ курской губ. страждущую родильницу переводятъ троекратно черезъ *порогъ* избы, чтобы ребенокъ скорѣе *переступилъ порогъ своего заключенія* и явился на свѣтъ изъ утробы матери. ([4]) Въ Германіи думаютъ, что сложенныя вмѣстѣ руки и поставленныя одна на другую ноги мѣшаютъ родильницѣ разродиться([5]). Въ ново-греческой сказкѣ мужъ, покидая свою беременную жену, опоясываетъ ее поясомъ и говоритъ: „ты не прежде родишь дитя, пока я не разстегну тебѣ этого пояса!"—и она дѣйствительно не могла разрѣшиться до того часу, пока не обрѣла своего мужа и пока онъ не разрѣшилъ ея пояса. Въ албанской редакціи этой сказки мужъ, вмѣсто пояса, запираетъ чрево жены своей серебренымъ ключемъ ([6]).

Сходно съ этими данными, если умирающій долго мучится, то, чтобы душа скорѣе *разсталась* съ тѣломъ, дѣлаютъ отверстіе въ потолкѣ и въ кровлѣ избы или отворяютъ окно: обычай этотъ извѣстенъ и въ Россіи и въ Германіи. Продолжительная агонія отходящаго въ иной міръ и трудные роды родильницы заставляютъ германскихъ простолюдиновъ отворять дверь, отпирать окно и приподымать съ

([1]) Послов. рус. народа, Даля, стр. 404.
([2]) Чернигов. губ. вѣдом. 1854 г., № 25.
([3]) Иллюстрац. 1846 г., стр. 649; Ворон. губ. вѣдом. 1851, № 11.
([4]) Этногр сборн., вып V, стр. 20.
([5]) D. Myth., стр 1128.
([6]) Сборн. Гана, т. II, № 71, 100.

крыши нѣсколько черепицъ или драницу ([1]). Душа представлялась связанною съ тѣломъ до той поры, пока не являлась Смерть и не разрѣзывала соединяющей ихъ нити, выпряденной парками. Освобожденная отъ земныхъ узъ, душа улетаетъ въ открытое для нея отверстіе. Во многихъ деревняхъ, по выносѣ покойника со двора, *запираютъ ворота*, а въ нѣкоторыхъ даже *завязываютъ* ихъ *краснымъ поясомъ*, чтобы вслѣдъ за умершимъ хозяиномъ не *сошли со двора* его родичи и животы, т. е. чтобы не перемерли и другіе члены семьи и домашній скотъ. Желаніе скрыть отъ Смерти дорогу въ людское жилище вызвало обычай выносить трупъ усопшаго не въ тѣ *двери*, которыми ходятъ живые, а въ какое-нибудь нарочно-сдѣланное отверстіе, которое потомъ снова *закрывалось*. Такъ германцы въ языческую эпоху разбирали для того стѣну и выносили мертвеца *спиною впередъ*, либо прокапывали отверстіе подъ стѣною, и сквозь него выносили покойника. Нынѣ обычай этотъ соблюдается тамъ только съ трупами злодѣевъ и самоубійцъ, которыхъ выносятъ не дверями, а чрезъ отверстія подъ порогомъ или стѣною. ([2]) Несторъ разсказываетъ, что когда умеръ Владиміръ святой, то „ночью *межю клѣтми проимавше помостъ*, обертѣвше въ коверъ и ужи съвѣсиша на землю“ отнесли его тѣло въ церковь ([3]) Народные русскіе разсказы доселѣ сохраняютъ воспоминаніе о томъ, что мертвые выносились сквозь отверстіе, прорытое подъ порогомъ ([4]).

Множество другихъ повѣрій и обрядовъ, живущихъ въ народѣ, возникло изъ того-же источника. Приведемъ наиболѣе любопытные примѣры: а) чтобы ребенокъ сталъ скорѣе ходить, для этого на Руси *разрѣзываютъ ножемъ промежъ его ногъ тѣ невидимыя путы*, которыя задерживаютъ его ходу ([5]). b) Увидѣвши первый цвѣтъ на огурцахъ, тыквахъ, арбузахъ или дыняхъ, хозяйка *перевязываетъ огудину красною ниткою изъ пояса* и произноситъ: „якъ густо сей поясъ *вязався*, щобъ такъ и мои огурочкы густо *вязались* у пупянкы въ огудини“ ([6]). Здѣсь высказывается желаніе, чтобы не было пустоцвѣту; цвѣтъ, зарождающій плодъ, называется *завязью*, и на этомъ словѣ создался самый заговоръ и сопровождающій его об-

---

([1]) D. Myth., стр. 801, 1133; Иллюстрац., годъ 1, стр. 415; Черты изъ исторіи и жизни литов. народа, стр. 112.

([2]) Чтен. общ. ист. и др. 1860 г., кн. IV, стр. 337.

([3]) П. С. Р. лѣт., т. I. стр. 56.

([4]) Н. Р. Ск., вып. VI, № 66.

([5]) Абевега, стр. 235.

([6]) Украин. приказ., стр. 5.

рядъ. c) Того, кто сажалъ въ печь свадебный каравай, подвязываютъ утиральникомъ и сажаютъ на покутье, чтобъ каравай *не разошелся*, *не расплылся*. (¹) d) *Круговая линія*, какъ замкнутая со всѣхъ сторонъ, получила въ народныхъ вѣрованіяхъ значеніе охранительной черты, защищающей человѣка отъ зловреднаго дѣйствія колдовства и отъ покушеній нечистой силы. Черезъ круговую черту не можетъ переступить ни злой духъ, ни вѣдьма, ни самая Смерть; противъ чумы и другихъ повальныхъ болѣзней опахиваютъ кругомъ деревни и села; при добываніи кладовъ и цвѣта папоротника, при совершеніи различныхъ чаръ и произнесеніи заклятій очерчиваютъ себя круговой линіей, для охраны отъ демонскаго навожденія. На Украйнѣ дѣти, завидя полетъ дикихъ гусей, причитываютъ: „гуси-гуси! *завъяжу* вамъ дорогу, щобъ не втрапили до дому“ или: „гуси-гуси! *колесомъ*, червоннимъ поясомъ“ — и думаютъ, что отъ этихъ словъ гуси закружатся на одномъ мѣстѣ (²). У лужичанъ передъ Рождествомъ даютъ курамъ кормъ, *окружая его цѣпью или обручемъ*, чтобы онѣ клали яйца дома: этотъ обрядъ есть науза, замыкающая птицу въ границахъ хозяйскаго двора (³). Въ моложскомъ уѣздѣ не обводятъ новобрачныхъ вокругъ стола, чтобы молодая не была безплодна, т. е. чтобы не замкнуть ея плодородія круговою чертою (⁴). e) Съ дующими вѣтрами фантазія сочетала представленіе о буйныхъ, неистовыхъ, всесокрушающихъ существахъ, которымъ удалось вырваться на свободу; въ тихое время они сидятъ въ заключеніи, окованные и связанные своимъ владыкою. Норманны и вообще жители сѣверныхъ поморій вѣрили, что колдуны могли продавать вѣтры мореплавателямъ, давая имъ *ремни съ волшебными узлами*: когда развязывали на ремнѣ одинъ узелъ — начинали дуть тихіе и благопріятные вѣтры, развязывали другой узелъ—вѣтры крѣпчали, а вслѣдъ за разрѣшеніемъ третьяго узла—подымалась страшная буря.

Указанныхъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы увидѣть, какъ важно и значительно вліяніе языка на образованіе народныхъ повѣрій и обычаевъ, и какъ необходимо занимающимся изученіемъ народнаго быта и старины обращаться къ пособію филологіи. Опираясь на дѣйствительные факты, наука эта ясно доказала, что духовная сторона человѣка, міръ его убѣжденій и вѣро-

(¹) Этногр. сборн., вып. I, стр. 353.
(²) Украин. приказки, стр. 7.
(³) Volkslieder der Wenden, т. II, стр. 259.
(⁴) Этногр. сборн., в. I, стр. 50.

ваній — въ глубокой древности не были вполнѣ-свободнымъ дѣломъ, а неизбѣжно подчинялись матеріальнымъ условіямъ, лежавшимъ столько-же въ природѣ окружающихъ его предметовъ и явленій, сколько и въ звукахъ роднаго языка. Слово человѣческое, по мнѣнію нашихъ предковъ, надѣлено было властительною, чародѣйною и творческою силою; и предки были правы, признавая за нимъ такое могущество, хотя и не понимали, въ чемъ именно проявляется эта сила. Слово, конечно, не можетъ заставить — свѣтить солнце или падать дождь, какъ вѣрили язычники; но если не внѣшнею природою, за то оно овладѣло внутреннимъ міромъ человѣка и тамъ заявило свое чарующее вліяніе, создавая небывалыя отношенія и образы, и заставляя младенческія племена на нихъ основывать свои нравственныя и религіозныя убѣжденія. Часто изъ одного названія, изъ одного метафорическаго выраженія, какъ изъ зерна, возникаетъ цѣлый рядъ примѣтъ, вѣрованій и обрядовъ, опутывающихъ жизнь человѣческую тяжелыми цѣпями, и много-много нужно было усилій, смѣлости, энергіи, чтобы разорвать эту невидимую сѣть предразсудковъ и взглянуть на божій міръ свѣтлыми очами!

2007053955